

СЛЕПОЙ МУЗЫКАНТ, ШАХМАТИСТ И ЯПОНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ...

Б.И.Осыков

Сын крестьянина из глухого села под Старым Осолом, ослепший в раннем детстве, сумел «пробиться» в Москву, а затем и в Лондон — Королевский колледж для слепых. Став музыкантом-виртуозом, он объездил чуть ли не полсвета, овладел двенадцатью языками, в том числе английским, немецким, польским, эсперанто, японским, китайским, бирманским, туркменским. На японском языке создал целое собрание сочинений, став одним из известных писателей Страны восходящего солнца...

Четырехлетний Василек Ерошенко заболел корью и ослеп. «Я слепой. Ослеп я четырех лет от роду. С мольбой, весь в слезах покинул я красочный мир солнца. К чему это, к добру или злу, я еще не знал. Ночь моя продолжается и не кончится до последнего моего вздоха...» (Автобиографические заметки).

В 1899 году отцу — Якову Ерошенко — через знакомых купцов удалось устроить сына в школу для слепых детей в Москве. Здесь хлопчик из села Обуховки, быстро овладев грамотой по системе Брайля, нередко читал вслух книжки своим однокашникам. А когда все интересные книги из небогатой школьной библиотеки были перечитаны, Василек начал сочинять сказки сам. И рассказывал их ничего не подозревавшим сверстникам, листая страницы первой попавшейся под руку книги. Первые сочиненные им сказки, разумеется, никто не записывал...

Весной 1908 года Василия Ерошенко приняли по конкурсу в оркестр слепых, организованный в Москве. Новый скрипач быстро завоевал популярность — многие посещали ресторан, в котором он играл, лишь для того, чтобы послушать игру красивого слепого юноши.

Конечно, Ерошенко не мог прельститься этим ресторанным успехом, его пытливый ум и сердце искали новые пути. И вот

юноша — в Московском эсперанто-клубе. Василий настойчиво изучает новый международный язык эсперанто, параллельно с английским. «Поистине могу сказать, — признавался Ерошенко, — что лампа Алладина не могла бы помочь мне больше, чем зеленая звездочка — символ эсперанто».

В феврале 1912 года слепой музыкант отправился в свою первую заграничную поездку, в Англию. В Варшаве путешественника обещали встретить польские эсперантисты, но на перроне никого не оказалось — видимо, произошло какое-то недоразумение. Самостоятельно он добрался до Берлина. «...Я решительно зашагал по платформе... Я слышу свое имя, сердечные приветы, радостные восклицания. Мне жмут руку, спрашивают о здоровье, желают знать о всех подробностях моего пути... Новые друзья спросили меня, что я желаю увидеть в Берлине. Я попросил отвести меня в Институт слепых в Штейглице... В институте нам оказали радушный прием. Было показано все самое интересное: мастерские, классы, типография...», — вспоминал Ерошенко.

В Норвуде — небольшом городке вблизи Лондона — Василий Яковлевич обучался в Королевском институте и в Музыкальной академии слепых. А в далекой России в журналах «Вокруг света» и «Слепец», в газете «Русское слово» одна за другой публиковались статьи о «чуде Ерошенко»...

Весной 1914 года русского самородка пригласили на Международный конгресс эсперантистов в Токио. Дорога предстояла неблизкая — через всю Россию. Ехал он охотно — его манил загадочный Восток: быть может, там, в краю далеких тайн, ему помогут вырваться из холода и тьмы непроглядной ночи, вернуть радость бытия. Ерошенко еще молод — ему двадцать четыре года.

В Японии, по просьбе друзей из Университета эсперанто-ассоциации, «шефство» над гостем из

В.Я.Ерошенко

России берет директор главной метеорологической обсерватории, член Императорской академии Накамура Кийоо. Ерошенко принимают вольнослушателем в Токийскую школу слепых, ему предложена индивидуальная программа обучения. Он выбрал четыре предмета: психологию, медицину, музыку и японский язык. Студент «на особом положении» — он получил для занятий отдельную комнату, для него специально приглашали преподавателей, а курс японской литературы читал профессор, говоривший по-русски.

Лингвистические способности Василия Яковлевича оказались выдающимися. Японским языком он овладевал стремительно, и уже в следующем, 1915 году, он создал на японском языке свои первые литературные произведения. Но прежде чем повести рассказ о творческом «японском» дебюте нашего земляка, вспомним еще об одном ярком событии в его судьбе, имевшем место в том же году.

В один из весенних дней в доме американки Агнес Александер, дочери президента университета на Гавайях, произошло знакомство Василия Ерошенко с очаровательной молодой журналисткой Камитика Итико. «Камитика всем говорит, что Ерошенко ей нравится, а на днях она, поддразнивая госпожу Александер, уехала с ним вдвоем в трамвае.» (Из дневника писателя Акита Удзюку). «Ерошенко полюбил Камитика. Но чувство это не было похоже на обычную страсть, скорее, это был тайный жар души. Что же касается Камитика, то она, будучи в дружеских отношениях со слепым юношей, испытывала к нему сострадание, но не питала чувства, которое можно было бы назвать любовью. Она смеялась над слухами... Он строил догадки об их отношениях и ничего не мог понять.» (Хирабаяси Тайко, японская писательница).

Вскоре Ерошенко узнает: Камитика любит другого — Осуги Саказ, писателя, основателя Японской эсперанто-ассоциации...

В 1915 и в начале 1916 года в журналах «Кибо» и «Васада бунгаку» появились первые новеллы Ерошенко — «Рассказ бумажного фонарика» и «Дождь идет». Несколько позже известный японский писатель Акита Удзюку так отзовется о пьесе Ерошенко «Персиковое яблоко»: «...Исправить пришлось лишь несколько мест, написанных на старом японском языке. Все остальное вылилось из Ваших уст, как неиссякаемый творческий родник».

Дальнейшая творческая биография Василия Ерошенко похожа на легенду. Всего пять лет — с 1915 по 1920 — творил он на японском языке, и за этот срок им были созданы десятки сказок, поэм, новелл, стихотворений, несколько пьес. У произведений вдохновенного русского слепца оказалась долгая судьба, они заняли прочное место в японской литературе. Писательская слава

сразу коснулась его, лучшие художники японской столицы рисовали его портреты, в Токийском университете писатель «Айлосьянке» (японская транскрипция его фамилии) читает лекции.

Казалось бы, что еще можно пожелать... А Ерошенко снова собрался в дальнюю дорогу. Он стоит у края борта океанского парохода, лицо его овеяет тугой ветер, пальцы крепко держат концы сотен шелковых лент, протянутых к нему с берега — это прощальный ритуал...

О трех годах его странствий по Сиаму (Таиланду), Бирме и Индии нам известно немного. В Сиаме он основал первую школу слепых. Сохранилось несколько писем Ерошенко к друзьям в Японию. «Школа слепых в Моулмейне. 7 марта 1917 года... Прошло почти два месяца с тех пор, как я поселился в Бирме. Ужасно занят, поэтому забыл обо всем... Бирманцы относятся ко мне с беспредельной любовью. Они просят меня остаться здесь по крайней мере еще на два года...». Еще письмо: «Моулмейн, 1917 год... Сейчас я изучаю воистину прекрасные буддийские легенды. Это неисчерпаемый материал... Но несмотря на это, я постоянно тоскую по итальянской музыке, по шуму большого города. Я хочу еще когда-нибудь принять участие в политической борьбе в России... Меня окружает нищета. ...Никак не могу выделить денег, чтобы сфотографироваться...»

Осенью 1917 года, когда телеграф принес известия о революционных событиях в Петрограде, Ерошенко попытался через Индию вернуться на родину. Но в Калькутте полиция арестовала «подозрительного» иностранца. После множества испытаний и приключений, во время которых Ерошенко довелось побывать даже на островах Океании, он снова оказался в Японии. Теперь он уже не пишет романтических сказок, а обращается к публицистике и социальной сатире. Вместе с друзьями — японскими писателями, учеными и студентами — Ерошенко разворачивает кампанию под лозунгом «Руки прочь от России!», собирает средства для голодающих Поволжья.

28 апреля 1921 года японские власти отдали распоряжение о высылке Ерошенко из страны. Ночью 9 мая он был арестован и брошен в застенок, а 4 июня доставлен под охраной на пароход «Ходзан-мару», уходящий во Владивосток. Отсюда по земле, все еще охваченной безумием гражданских столкновений, измученный долгими скитаниями и тюремным заключением слепой человек пытался пробиться на «территорию, занятую красными». Ведь там, на Белгородчине — родная Обуховка, там, он верит, ждут его отец и мать.

23 июня в Имане, на временной границе Дальневосточной республики, эсеровский наряд, несший поставую службу, не пропустил Ерошенко. И он принимает решение отправиться в Китай. Пересек границу и пеш-

ком по шпалам (поезда не ходили) направился в Харбин.

В Харбине в результате лишений Ерошенко тяжело заболел, он стал терять слух. Из Японии начали приходить письма — верные друзья посылали деньги, сообщали о новых изданиях его книг. Камитика Итико настойчиво хлопотала о том, чтобы Ерошенко разрешили вернуться в Японию.

Помощь пришла и из Пекина. Лучом света для Ерошенко стала встреча и сближение с Лу Синем, классиком китайской литературы. «Пока господина Ерошенко не выдворили из Японии, — свидетельствовал Лу Синь, — я не знал ни его имени, ни фамилии. Произведения его я прочитал уже после того, как он был выслан. Из статьи господина Кана в «Иомиури сибун» мне стали известны более подробно обстоятельства позорного изгнания слепого русского писателя из Японии. Тогда-то я перевел его детские сказки и пьесу «Персиковое яблоко». Дело в том, что тогда я думал только об одном: мне хотелось, чтобы был услышан страдальческий крик гонимого, чтобы у моих соотечественников пробудилась ярость и гнев против тех, кто попирает человеческое достоинство...»

Лу Синь отыскал Ерошенко, помог ему приехать в Пекин, отвел комнату в своем доме. Вскоре Василий Яковлевич начал преподавать эсперанто в Пекинском университете. В Пекине он вновь — после длительного перерыва — берется за перо, создает «Рассказы засохшего листа».

В начале 1922 года в Шанхае вышел сборник «Сказки Ерошенко». В предисловии к нему Лу Синь написал: «Сказки... выходят теперь отдельным изданием. Они предстанут перед китайским читателем. Это моя давняя мечта... По моему собственному выбору я сначала перевел «Тесную клетку», «На берегу», «Сердце орла», «Сон в весеннюю ночь», остальные переведены мною в соответствии с пожеланиями автора. Я понял трагедию человека, который мечтает, чтобы люди любил друг друга, но не может осуществить свою мечту. И мне открылась его наивная, красивая и вместе с тем реальная мечта. Может быть, мечта эта — вуаль, скрывающая трагедию художника? Я тоже был мечтателем, но я желаю автору не расставаться со своей детской прекрасной мечтой. И призываю читателей войти в эту мечту...»

В 1923 году Ерошенко получает мандат Пекинской эсперанто-лиги для участия в XV Международном конгрессе эсперантистов,

Дом-музей В.А.Ерошенко

Фрагмент экспозиции дом-музей

который должен был состояться в августе в Нюрнберге. В мае того же года он — в Москве. Уже в наши дни доктор географических наук (а в 1923 году — воспитанник подмосковного интерната для одаренных детей) Д.Л.Арманд рассказывает: «...Вышел на сцену высокий худой человек, глаза закрыты, волосы подстрижены «под горшок» — обычный слепец, которых в ту пору было немало. Но вот он заговорил о своих путешествиях по Востоку и как-то сразу преобразился, стал напоминать сказочного Леля...»

После конгресса из Нюрнберга Ерошенко отправился в Лейпциг, на всемирно известную ярмарку, там посетил также музей графики и знаменитую Лейпцигскую библиотеку. Еще одно путешествие — в Геттинген, в тамошний университет. Весной 1924 года Ерошенко — в Париже, он встречается с лидером Всемирной организации слепых Жоржем Вервертом. Летом едет в Вену на международный конгресс слепых, а в сентябре возвращается, наконец, в Москву. В московской квартире его ждала бандероль

из Японии — с изданными не так давно его книгами.

А осень 1924 года он провел, наконец, в родной Обуховке... Прошло еще три года. В Москву в составе японской делегации приехал Акита Удзюку, создатель Японо-Советского литературно-художественного общества. Вдвоем они отправились в поездку по Советскому Союзу — в Ленинград, Нижний Новгород, Минск, Казань.

Весной 1929 года, в очередной раз приехав в Обуховку, Ерошенко узнает, что давно нет вестей от брата Александра, работающего на Чукотке. И, не колеблясь, собирается незрячий скиталец вновь в дальнюю дорогу. Совершает путешествие через всю страну — во Владивосток, а оттуда на пароходе «Астрахань» на Камчатку, затем — к устью реки Анадырь и дальше на север — к мысу Дежнева.

И здесь он использует каждую минуту — изучает чукотский язык, ездит по тундре на собачьей упряжке и даже, как это невероятно нам покажется, охотится — по слуху. Написанные им в это время очерки «Из жизни чукчей» — едва ли не первое крупное его произведение на родном русском языке.

В 1934 году Василий Яковлевич уже в Туркмении, живет поначалу у брата, который перебрался сюда с Чукотки. Весной следующего года Ерошенко назначают заведующим республиканским детским домом слепых при Наркомпросе Туркменской советской республики. Быстро овладев туркменским языком, новый заведующий постоянно в поездках, он собирает незрячих детей в первую в регионе специальную школу. Наркомпрос республики утверждает разработанный Ерошенко рельефно-точечный алфавит туркменского языка.

...Нельзя не сказать, что в довершение всего Ерошенко был и превосходным шахматистом. В 1938 году в Ленинграде он стал победителем на Всероссийском шахматном турнире, а до этого успешно участвовал в ряде международных состязаний.

В начале 1950-х годов Василий Яковлевич тяжело заболел. И все же нашел в себе силы для последнего путешествия. Это Якутия, куда он давно стремился, затем — Харьков, там жила его сестра Мария, Донбасс — посетить другую сестру, Карелия — к третьей сестре Нине. Возвращаясь в Обуховку, остановился в Москве. Он знал, что в последний раз.

Письмо Ерошенко из Обуховки от 6 октября 1952 года московскому другу З.И. Шаминой свидетельствует о несгибаемости его духа: «Дорогая Зина! Внутри тетради, которую я посылаю, вы найдете мою фотографию. Все вместе отошлите в журнал «Эсперанто-лигило» с заметкой о моем уходе из жизни. Конец ее, который был еще недавно так близок, неожиданно и непонятно для всех отдалился... В этом письме я посылаю

окончание «Чукотской сказки», начало которой вы уже получили... Пришлите мне более тонкую бумагу для писем. Я собираюсь написать «Корейскую сказку», но работа на толстой бумаге меня выматывает... Сердечный привет всем В. Ер.»

Он не сообщил в письме, что смертельно болен, еще и жестоко голодал. Его пенсия составляла 250 рублей в месяц (столько стоила пара ботинок)... Похоронили Василия Яковлевича на заросшем бурьяном сельском кладбище.

На чердаке и в комнатах отчего дома осталось от яркого писателя-самородка огромное богатство: рукописи (многие из них так и не увидели свет), письма Рабиндраната Тагора, Лу Синя, Сен Катаямы и других выдающихся мыслителей Востока, собрание редчайших книг... В 1960-е годы я, тогда еще молодой журналист, в Старом Осколе и Обуховке много расспрашивал о судьбе уникального архива Ерошенко. Как-то возил «на место» — по его настоятельной просьбе — и моего знакомого писателя из Туркмении, Альберта Поляковского. Вот как впоследствии он описал (точнее, представил) весенний день 1953 года, роковой для наследия выдающегося романтика. «На исходе весны, когда грозы отгремели, отсверкали, и чуток подогретый ветерок кое-где подсушил дорогу, до Обуховки из Старого Оскола с горем пополам добралась старая скрипучая полуторка. Кроме шофера, были в доверенного выпуска машиненке еще двое: в кузове — молодой, крепкого сложения незрячий мужчина, решительный, резковатый в движениях, и в кабине — средних лет женщина, по одежде судя, явно не местная... Гости подкатили... к пустующему дому Ярошенко. При этом не скарб их домашний интересовал, а в основном бумаги. ...Все бумаги побросали в захлестанный грязью кузов, и полуторка двинулась по старой колее в обратный путь...» Так безвозвратно погиб архив Ерошенко.

Год 1962-й. Молодое книжное издательство в Белгороде после долгих колебаний решает выпустить сборник произведений В.Я.Ерошенко — первую его книгу на русском языке. А в Японии продолжали выходить книги «Айлосьянке». В 1990 году в Белгород на празднование 100-летия В.Я.Ерошенко приезжал из Токио профессор Итиро. Мне довелось беседовать с 80-летним ученым. Итиро-сан рассказывал об изданиях книг Ерошенко, о трехтомнике, который он тогда готовил к печати и переизданию — это 1224 страницы с иллюстрациями, с обстоятельным комментарием, с предисловием и послесловием. Так был создан еще один памятник творчеству нашего земляка — японского писателя. Но ведь это и укор нам, тем, кто не позаботился выпустить столь же обширное издание В.Я.Ерошенко в России.